

В. А. Артемов

КОНРАД АДЕНАУЭР И ЕГО ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА*

Когда Конрада Аденауэра избрали первым канцлером послевоенной ФРГ, ему было уже 73 года. За 14 лет пребывания в должности канцлера Федеративной республики Германии он успел сделать очень многое для экономического возрождения своей страны, для ее демократического подъема и возвращения в лоно западных демократических стран. Его часто сравнивают с другим великим немецким канцлером — Отто фон Бисмарком, снискавшим себе историческую славу объединителя Германии. Но времена были другие и условия иные. Канцлер Конрад Аденауэр сумел понять реализм этих условий и не стремился к объединению разорванной войной нации любой ценой.

К. Аденауэр родился 5 января 1876 г. в Кёльне в семье отставного лейтенанта прусской армии, где было пятеро детей. Конрад получил юридическое образование в университетах Фрайбурга, Мюнхена и Бонна, работал на незначительных судебных должностях в Кёльне, был избран бургомистром Кёльна, а кайзер Вильгельм II присвоил ему звание обербургомистра и назначил членом верхней палаты прусского парламента.

С конца 1918 г. Рейн был оккупирован английскими частями, с которыми обербургомистр нашел общий язык, сумел преодолеть сепаратистские настроения своих земляков и превратить Рейнскую область в мост между Германией и Западной Европой. В эти годы Аденауэр стал известным политиком в рядах католической партии Центра, представляя в ней республиканское большинство немецкого католицизма и выражая стремление к созданию межконфессиональной народной партии. Для рвущихся к власти нацистов он воплощал в себе ненавистную им Веймарскую систему и республиканские идеи в Пруссии. После роспуска ими прусского ландтага в феврале 1933 г. должность обербургомистра уже не вписывалась в новую тоталитарную систему власти, и Аденауэр был просто уволен. Его третировали, ему угрожали, за ним следили. Он жил в разных местах, пока не построил себе дом в Рёндорфе близ Кёльна.

К. Аденауэр не был антифашистом. После его увольнения в результате прихода Гитлера к власти в письме к фашистскому

* Статья публикуется при поддержке гранта Минобразования РФ РД 02-3.14-31 “Франко-германский диалог в процессе европейской интеграции 40—60-х гг. XX века”.

© Артемов В. А., 2003

министру внутренних дел он просил назначить ему пенсию, так как всегда, по его словам, “корректно относился к НСДАП”. Конечно, он не имел контактов с антифашистским Сопротивлением, так как считал, что оно не способно ликвидировать фашистский режим. Тем не менее в августе 1944 г. после покушения на Гитлера Аденауэр был арестован и на три месяца посажен в тюрьму. Его вторая жена Августа Цинссер также провела некоторое время в заключении, где заболела и в 1948 г. умерла.

После военного и политического краха фашизма американские военные власти вновь назначили Аденауэра на хорошо знакомый ему пост обербургомистра родного города. Засучив рукава, он принялся разгребать материальные и политические руины. Но так как у него начались нелады с английскими оккупационными властями, то в октябре он вновь был уволен (“за неспособностью”), причем с запретом заниматься политической деятельностью. Однако он окунулся в работу новой политической партии, созданной по его инициативе. Это была Христианско-Демократическая партия, в которой он занял посты председателя ХДС Северного Рейна и британской зоны, члена межзонального совета ландтага Северного Рейна-Вестфалии и председателя фракции этого ландтага. С 1947 г. он одновременно был лидером рабочего содружества ХДС/ХСС. Как хороший организатор, находчивый оратор и участник выработки программных принципов своей партии в 1946 и 1947 гг., он сыграл видную роль в ее становлении и подъеме. При этом Аденауэр стремился всячески оградить ее от превращения в партию чисто “христианского социализма”.

После избрания президентом Парламентского совета осенью 1948 г. Аденауэр вышел за ограниченные рамки региональной политики. Если ранее он на основе нового административного деления Германии пытался превратить освободившуюся от ярма прусских традиций Рейнскую область в посредника между новой Германией и западными державами, то теперь он начал пропагандировать идею прозападной ориентации всех зон. Он оказал решающее влияние на принятие Основного Закона ФРГ и на выбор Бонна в качестве временной столицы. Избранный 15 сентября 1949 г. первым канцлером ФРГ, Аденауэр вплоть до 15 октября 1963 г. руководил шестью коалиционными правительствами, оставался бессменным членом бундестага и председателем ХДС.

Европа всегда была в центре внимания Аденауэра, одновременно являясь исходным пунктом и главным козырем его внеш-

ней политики. Приверженцем европейской идеи он стал задолго до того, как занял кресло бундесканцлера. Еще в своих первых выступлениях 20-х гг., в которых только намечались ориентиры будущей внешней политики, Аденауэр высказывал крайне непопулярную в то время мысль о возможном объединении стран европейского континента¹. Так, в речи, посвященной открытию Кёльнского университета, 12 июня 1919 г. он призывал к продолжению “великого дела примирения и единения народов святой Европы”².

В начале 20-х гг. за Аденауэром закрепилось клеймо “рейнского сепаратиста”. Дело было в том, что он играл одну из ведущих ролей в движении за создание независимого рейнского государства как гаранта мира для всей Европы. Как отмечает молодая российская исследовательница Г. Ф. Аксенова, “по его замыслу, эта “республика мира”, а позднее Рейнское государство, играли бы благодаря своим размерам и экономической силе в обновленном германском государстве ведущую роль и могли бы стать гарантией мира для всей Европы. В результате стало бы возможно глубокое, почти революционное политическое изменение: преодоление германо-французского противостояния. Идея создания самостоятельного Рейнского государства имела для будущего канцлера фундаментальное значение. Ее нельзя ни в коем случае рассматривать как оставшийся без последствий эпизод политической деятельности “молодого” Аденауэра. Она была скорее своего рода испытанием концепции, которая после второй мировой войны на какое-то время стала для него определяющей и многое из которой вошло позднее в основные положения его европейской политики. Не случайно впоследствии эти идеи были названы предвестниками плана Шумана, олицетворявшего собой начало послевоенной европейской интеграции”³.

Формирование Аденауэра как политического деятеля происходило в годы Веймарской республики. Он до конца своей жизни оставался связанным с ней, однако вынес из ее провала уроки, которые успешно использовал позднее при создании нового демократического германского государства: создание охватывающего все конфессии ХДС вместо восстановления партии католического Центра, гражданский блок с антисоциалистической ХСС.

В ноябре 1923 г. прозвучало его предложение о создании “сообщества экономических интересов” Германии, Бельгии и Франции. Месяцем позже появился проект объединения рейнско-вестфальской, лотарингской и люксембургской индустрии в

единый экономический организм. Основным двигателем объединения должна была в первую очередь стать экономическая интеграция европейских стран. “Единение народов святой Европы” представлялось Аденауэру на путях расширения торгового сотрудничества и углубления внешнеэкономических связей, что в условиях Версальской системы могло бы значительно облегчить положение Германии и предоставить ей новые возможности для политических маневров. Однако, делая акцент на экономических аспектах будущего объединения, Аденауэр подчеркивал, что данный процесс подразумевает и достижение некоего духовно-культурного единства европейских народов. Поэтому будущий бундесканцлер выступал за признание общности европейских культур и строительство отношений между народами на основе христианских принципов и общеевропейских понятий права и справедливости⁴. Он никогда не ставил под сомнение тот факт, что существование интернациональных структур возможно лишь при условии выработки единой системы ценностей, в равной мере учитывающей как национальные, так и общеевропейские духовные приоритеты. Только сохраняя индивидуальное, можно укрепить общее — таков был исходный пункт построений Аденауэра в начале 20-х, такой остается программа ЕС в конце 90-х гг.

Стоит ли говорить, что во всех проектах Аденауэра, будь то экономическое сотрудничество или формирование общеевропейских духовных идеалов, речь в первую очередь шла о франко-германском содружестве. Примирение традиционных европейских противников должно было стать основной предпосылкой и символом установления новых политических связей и отношений в Европе. Аденауэр был уверен, что именно эти страны — Франция и Германия — станут ядром европейской интеграции и будут определять политическую ситуацию на европейском континенте.

История подтвердила предвидения Аденауэра. То, что единодушно отвергалось и казалось утопией во времена Веймарской республики, стало реальностью после окончания второй мировой войны. Поэтому в 1945 г. Аденауэр вновь возвращается к тому, что безуспешно пропагандировал в начале 20-х гг. Уже в его первом программном выступлении от 6 марта 1946 г. (таким образом, еще до известной речи Черчилля в Цюрихе) призыв к объединению европейских стран прозвучал с новой силой: “Я надеюсь, что в недалеком будущем будут созданы Соединенные Штаты Европы, к которым будет принадлежать и Германия, и что Европа, эта столь часто терзаемая войнами часть света, наконец, насладится долгим и прочным миром”⁵.

Одна из важнейших послевоенных внешнеполитических проблем правительства Аденауэра — проблема примирения с Францией. Эта страна была ближайшим соседом и одновременно противником, начиная со времени установления прусского господства на Рейне в 1815 г. и прежде всего после создания Германской империи в результате войны 1870—1871 гг. Эту историческую реальность следовало учитывать, чтобы избежать противодействия со стороны Франции процессу восстановления сильного немецкого государства. В письме представителю агентства Рейтер в августе 1948 г. Аденауэр писал: “Я вижу в длительном улаживании отношений и в восстановлении хороших добрососедских связей между Францией и Германией одно из наиболее существенных условий установления нормального климата в Европе вообще”⁶. В январе следующего года он вновь заявляет о готовности сотрудничества с Францией, называя “немецко-французский вопрос решающим европейским вопросом”⁷. В интервью Фридендеру в 1954 г. канцлер вновь подчеркивал: “Без Франции или против Франции нет европейской политики, так же, как не может быть и европейской политики без Германии или против Германии. Немецко-французское взаимопонимание в полном смысле этого слова является для меня делом рассудка и одновременно делом сердца”⁸. В этом канцлер находил поддержку у многих здравомыслящих политиков ФРГ. Так, Г. фон Брентано считал, что от устранения проблемы Саара “зависит вся политика европейского сотрудничества”, “создание между Германией и Францией атмосферы взаимопонимания, дружбы и доверия... Слово “европеизация” не должно стать камуфляжем; “европеизация”, означающая не более чем сохранение статус кво, не одобряется мной”⁹.

Следует отметить, что оппозиция этой линии существовала не только со стороны КППГ, но и внутри самой ХДС/ХСС. Часть политиков возражала против создания прозападного немецкого государства, видя в нем углубление раскола, против поддержки плана Жана Монне как основы европейской интеграции, усмотрев в нем стремление Франции поставить под свой контроль немецкую индустрию. Аденауэр игнорировал эти сомнения и без колебания поддержал все интеграционные планы. В том числе и неосуществленный проект Европейского оборонительного сообщества 1951—1954 гг., план Европейского политического сообщества 1952—1953 гг., разработку и подписание Римских договоров о создании Европейского Экономического сообщества и Европейского Атомного сообщества, попытки создать в период

1959—1962 гг. Европейский политический союз. Не всего удалось достичь в период деятельности Аденауэра на посту канцлера ФРГ, но он по праву вписал свое имя в летопись европейской интеграции и может быть назван одним из ее творцов. Его привлекала в первую очередь необходимость экономического единения Европы, что он еще раз подчеркнул в своей речи в Международном институте прессы в Лондоне в 1953 г.: “Многие наблюдатели рассматривают сегодня процесс европейской интеграции исключительно с военной точки зрения и с оглядкой на угрозу со стороны Востока. Подобный взгляд справедлив лишь отчасти. Необходимость объединения по экономическим и политическим причинам, к которым примыкают и военные причины, неоспорима. Это сплочение является логической и естественной ступенью развития европейской истории”¹⁰.

Многолетняя политическая деятельность канцлера после войны заложила политический, экономический и социальный фундамент ФРГ. Ни один из политических деятелей этих лет, будь то его соратник или соперник, не достиг такой популярности. Аденауэр создал систему “канцлерской демократии”, носившую во многом авторитарные черты, ставшую своего рода мостиком от авторитарной германской традиции к плюралистической демократии, и превратился в легендарную личность. Но в его карьере много противоречивого: именно открыто прозападная ориентация во многом определяла характер “холодной войны”.

Иногда пишут, что “эра Аденауэра” была временем упущенных шансов и общественной реставрации, неполным разрывом с прошлым. Вилли Брандт, политический соперник Аденауэра, резонно замечал: “Во всех тогдашних расхождениях, конечно, предметом спора были не вопросы восточной или западной ориентации, а как раз методы, при помощи которых достигалась опора на Запад и, как следствие, — западная интеграция. Но если думают, что имелись альтернативы и другие методы нахождения взаимопонимания с западными державами, а интеграция могла быть иной, то это не так: в ту промежуточную фазу ...было ясно — то, что произошло в мире, и отношение к этому немецкой политики было реальной внешнеполитической базой. Исходя из этого нужно было работать и соответственно так и работали... Я как министр иностранных дел и затем как федеральный канцлер исходил из основ, заложенных Аденауэром. Это касается прежде всего фундаментальной западной политики: во-первых, немецко-американских отношений как части Атлантического союза и

немецко-американских отношений вообще; во-вторых, работы по западноевропейскому единению и, в-третьих, доминирующих немецко-французских компонентов, которые вообще никогда не вызывали споров между Аденауэром и мной”¹¹.

На этом трудном пути было много препятствий, но одной из самых серьезных проблем стало противодействие Франции, опасавшейся возможности новой экспансии со стороны восточного соседа и стремившейся противостоять любым попыткам усиления нового германского государства.

Аденауэр должен был строить свою политику, основываясь, с одной стороны, на противодействии французским планам европейской гегемонии и стремлению раздробить Германию, а с другой — на завоевании доверия Франции, чтобы устранить сильное сопротивление в западном мире планам возвращения ФРГ в союз равноправных европейских государств.

Навстречу канцлеру пошли дальновидные французские политики Ж. Монне и Р. Шуман, выступившие с Декларацией 9 мая 1950 г., которая стала отправным пунктом послевоенного процесса интеграции Европы. Принципы, заложенные в основу проекта ЕОУС, стали основополагающими для дальнейшего процесса создания единой Европы. Все попытки нарушить их, форсировать интеграционный процесс закончились неудачей.

Проект Европейского оборонительного сообщества как попытка создания не только военного, но и политического союза европейских государств оказался неудачным, но привел к образованию системы безопасности европейского континента, основой которой являлись НАТО и Западноевропейский союз. Невозможность ускоренного создания Европейского политического сообщества на данном этапе заставила страны, участвовавшие в этом проекте, не отказываясь от идеи, вернуться к системе поэтапной секторальной интеграции в сфере экономики, предложенной Декларацией Шумана, итогом чего стало подписание 25 марта 1957 г. Римских договоров о Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) и Евратоме.

Развитие отношений между ФРГ и Францией в 1949—1958 гг. проходило, таким образом, под знаком начавшейся европейской интеграции. Успехи и провалы на этом пути позволили разработать основные принципы данного процесса, в частности, необходимость поэтапной интеграции и сближения соседей по Рейну как фундамента для его успешного развития. Все созданные в тот период европейские сообщества основывались на наднациональных принципах и предусматривали в первую очередь совме-

стную деятельность западногерманской и французской промышленности, что укрепляло экономическую базу Франции и облегчало ФРГ путь к равноправному участию в союзе западных государств. И хотя попытки политического объединения Европы оказались неудачными, они создали прецедент и подготовили почву для дальнейшего сближения западноевропейских государств.

Проблема отношений между К. Аденауэром и Ш. Де Голлем весьма сложна. Она определялась различием целей — Аденауэр стремился закрепить равноправное участие ФРГ во всех европейских интеграционных процессах и усилить роль своего государства на политической арене, в том числе и в военной области, а де Голль прикладывал все силы для возвращения “величия” Франции и ее руководящей роли в Европе. Однако, как политики-реалисты, оба лидера понимали объективную необходимость преодоления прежних противоречий и дальнейшего сближения. Политика Аденауэра, направленная в первую очередь на возвращение самостоятельности и равноправия ФРГ по отношению к другим государствам, доказала свою действенность. Во франко-западногерманских отношениях также наметился сдвиг в положительную сторону. Смена власти во Франции вызывала серьезные опасения канцлера, ибо все отрицательные тенденции французской политики в отношении Германии персонифицировались для него в де Голле и голлистах, однако уже с первой встречи двух политических лидеров в сентябре 1958 г. они смогли найти контакт и повести свои государства по пути примирения и сближения.

Спорные вопросы, касающиеся проекта создания Европейского политического сообщества, неоднократно обсуждались, часто в весьма напряженной атмосфере. Ведь концепция де Голля предусматривала образование конфедерации европейских государств при сохранении национального суверенитета. Однако Аденауэр одобрил ее в надежде на поддержку Франции в германском вопросе. Тем не менее все попытки достижения компромисса с рядом стран окончились провалом, и ЕПС так и не было создано. Но важнейшим достижением стало подписание в 1963 г. договора примирения между Германией и Францией. “Отношения между Германией и Францией занимают в истории Европы центральное место. То, что парижские договоры становятся базой улучшения германо-французских отношений, дает возможность на деле осуществить цель нашего договора — единство Европы”¹², — подчеркивал К. Аденауэр.

Канцлер не был страстным республиканцем, он был патри-

архальным демократом, воспитанным в традициях Веймарской республики, когда многие мечтали о “сильной руке”. Его даже называли “республиканским монархом”. Он родился на Рейне и, как говорили, воспитывался “в тени Кёльнского собора”, всю жизнь испытывая сильные антипруссские настроения. Но больше, чем перед фашизмом, он испытывал страх перед коммунизмом, и это определяло все его внешнеполитические акции. Когда незадолго перед смертью он встретился с испанским диктатором Франко, то оценил его как “умного и сдержанного политика”.

С одной стороны, именно страх перед коммунизмом заставил Аденауэра отказаться от поисков путей объединения или хотя бы сближения двух немецких государств. Отсюда его непримиримая борьба со своими политическими оппонентами — социал-демократом К. Шумахером и христианским демократом Я. Кайзером. С другой стороны, страх перед сильным единым немецким государством, два раза в одном столетии ввергавшим мир в кровопролитную бойню, был присущ не только Сталину, но и западным союзникам Аденауэра. Поэтому главной иллюзией К. Аденауэра была надежда на содержащиеся в договорах с Западом признания необходимости воссоединения частей Германии.

Верил ли он сам в искренность этих заверений? На словах — да. Аденауэр был умным политиком, но он часто предавался несбыточным мечтаниям и впадал из-за этого в большие противоречия. В частности, противоречивыми были его заверения о свободе и единении в союзе с Западом. Так рождалась его стратегия с двойным дном, нереальность которой подтвердила сама жизнь.

Политик редко руководствуется в своих действиях заповедями Нагорной проповеди. У Аденауэра тоже были нелады с искренностью, он не всегда говорил то, что на самом деле думал, и делал не то, что обещал своим согражданам. Ясно, что с каждым шагом интеграции ФРГ в западный блок все меньше шансов оставалось для создания единой нейтральной Германии по образцу соседней Австрии, все глубже становилась пропасть между двумя немецкими государствами, а канцлер все сильнее упорствовал в своем плане — сначала союз с Западом, а потом объединение немецких государств. ФРГ надеялась путем западноевропейской интеграции получить лучшие шансы на восстановление экономики, укрепление своей молодой демократии, воссоединение обеих частей страны. Вместе с тем Конрад Аденауэр говорил в 1956 г.: “Абсолютно неверно считать, что мы рассматриваем объединение Европы как, так сказать, эрзац воссоединения Германии. Во-первых, воссоединение Германии мирным

и свободным путем было и остается высшей целью немецкой политики. Во-вторых, осуществление европейской идеи есть средство для достижения этой цели, очень важный путь, приближающий нас к воссоединению. В-третьих, я и сегодня полагаю, что единение нашего континента должно произойти по воле самой Европы, так как для нее это просто вопрос существования”¹³. Но все же его главной целью было превращение ФРГ в “авангард Запада против Востока”. Он рассматривал раскол Германии не как внутригерманский раздор, а как результат конфликта Запад — Восток, поэтому преодоление раскола могло стать результатом глобальной разрядки международной напряженности.

Лидеры ГДР обвиняли правительство ФРГ в предательстве национальных интересов в угоду американскому империализму. А когда Аденауэр осознал опасность изоляции Германии и обратился к Москве с предложениями своего рода “гражданского мира” и облегчения осуществления связей между гражданами обеих Германий, то поезд уже ушел. Когда была возведена пресловутая “Стена Ульбрихта” в Берлине, он промолчал, не поехал в Берлин и продолжал свою избирательную кампанию, как будто ничего особенного не случилось. Его воспоминания полны попыток оправдать свой расчет на политику силы с целью заставить Советский Союз пойти на уступки в германском вопросе. Он как будто понимал, что в приговоре истории именно по этому пункту ему будут выставлены самые низкие баллы.

Трезвый расчет и ярко выраженный прагматизм в действиях были характерными чертами Аденауэра—человека и политика. Как и для Бисмарка, политика была для него практическим делом, искусством достижения возможного. Он никогда не отказывался от теоретических дискуссий и умело использовал возможности достижения компромисса. Этот в основном принципиальный человек мог легко отказаться от важных принципов в пользу еще более важных решений. Первая послевоенная конституция ФРГ была для него лишь инструментом, а не политической Библией и символом веры. Будучи вначале искренним антимилитаристом, он при необходимости стал рьяным защитником вооружения Германии, так как видел в этом средство давления на западных союзников с целью восстановления национального суверенитета ФРГ. Он также умел играть на противоречиях между оккупационными властями, лавируя между ними в пользу своей страны. При нем ФРГ вступила в 1950 г. в Союз Европы, затем — в Объединение угля и стали, в 1955 г. она

стала членом НАТО, а в 1957 г. была принята в ЕЭС. Его целью было полное равноправие ФРГ на мировой арене и полное восстановление ее суверенитета. В итоге в 1956 г. был создан бундесвер.

Другой важной целью внешней политики Аденауэра было примирение с Францией и с Израилем, для чего он предложил “европеизировать” Саарскую область и облегчить положение бывших узников нацистского террора. Когда в 1955 г. Аденауэр пошел на установление дипломатических отношений с Советским Союзом, то сделал это только ради возвращения 30 тысяч немецких военнопленных.

Политика Аденауэра шла в русле общей западной политики периода “холодной войны”. Но с середины 50-х гг., после того как стало ясно, что западные державы пытаются в первую очередь договориться с СССР о разоружении и контроле над ним, он более не настаивал на обязательном обсуждении “немецкого вопроса”. Все его предложения о проведении свободных выборов в ГДР наталкивались на сопротивление советского руководства.

Используя возможности конституции Западной Германии, Аденауэр смог создать своеобразную систему правления, получившую название “канцлерской демократии”. Канцлер как глава правительства имеет намного больше власти, чем президент ФРГ, который играет роль “отца нации”, произносит торжественные речи, наносит визиты и награждает орденами. Именно К. Аденауэру (и его ближайшему экономическому сотруднику Л. Эрхарду) немцы обязаны хозяйственным подъемом послевоенной Германии, возникновением немецкого “экономического чуда”.

Аденауэр, как и Бисмарк, давно стал легендой немецкой и мировой истории. Его критикуют за диктаторские методы правления, за отказ от сотрудничества с левыми силами, за приверженность политике западных союзников, даже называют “канцлером союзников”. Все это так. Но факт остается фактом — созданная им система процветает несмотря ни на что и не без основания претендует на ведущую роль в Европейском союзе.

¹ См.: *Erdmann K.-D.* Adenauer in der Rheinlandpolitik nach dem Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1966. S. 212—227.

² *Adenauer K.* Reden 1917—1967. Stuttgart, 1967. S. 38—41.

³ *Аксенова Г. Ф.* Конрад Аденауэр и процесс примирения с Францией

(в контексте европейской интеграции): Автореф. дис..... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 17.

⁴ См.: *Adenauer K.* Reden. S. 38.

⁵ Ibid. S. 52.

⁶ *Adenauer K.* Briefe 1947—1949. Berlin, 1984. S. 292.

⁷ Ibid. S. 387.

⁸ Kanzlerworte. Ausgewählt aus Reden, Artikeln und Erklärungen von Bundeskanzler Dr. Konrad Adenauer. Weg und Ziel eines deutschen Staatsmannes. Essen, 1963. S. 80.

⁹ Adenauer: “Wir haben wirklich etwas geschaffen”. Die Protokolle des CDU-Bundesvorstands 1953—1957. Droste. Düsseldorf, 1990. S. 191.

¹⁰ Rede von dem Internationalen Presse-Institut. London, 1953. 14. May.

¹¹ *Brandt W.* Gespräch über Konrad Adenauer // Konrad Adenauer 1876—1976 / Hrsg. von H. Kohl. Stuttgart; Berlin, 1976. S. 63—64.

¹² “Bulletin”. 1955. 29. März.

¹³ Kanzlerworte..... S. 78—79.